

Поль Гоген

Ноа Ноа

Сборник

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Перевод с французского
Надежды Рыковой

Гоген, П.

Письма. Ноа Ноа. Прежде и потом: Сборник /
Поль Гоген. Перевод с франц. Н. Я. Рыкова — Москва:
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021. — 436 с. с илл.

ISBN 978-5-521-74411-4

Книга «Ноа Ноа» подобрала в себя литературной и эпистолярное наследие одного из крупнейших французских художников конца XIX века Поля Гогена.

В сборник вошла его автобиографическая проза — письма художника к жене Метте-Софи Гад, которой он писал вплоть до расставания и последующего разрыва, а также письма друзьям — Эмилю Шуффе-некеру, Камиллю Писсаро, Эмилю Бернару, Шарлю Морису, Андре Фонтена и многим другим.

В книге «Ноа Ноа» Поль Гоген рассказывает о своих впечатлениях от первой поездки на Таити – о жителях, их религии и культуре, о собственной философской и живописной концепции, которая определила все океанийское творчество художника.

Книга «Прежде и потом» — по сути подведение итогов всего жизненного пути, как говорит сам Поль Гоген: «...я хотел написать обо всем этом с полной объективностью, без страха и стыда. Это мое право».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74411-4

© Перевод. Н. Я. Рыкова,
наследники 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

Письма

Копенгаген. Париж

1885–1887

1. Г-ну СЕЛЛО

*Копенгаген. 105 Гамле Конгевей,
Пятница 2 января 1885 г.*

Хотя вообще я не склонен к излишней осмотрительности, на этот раз я вынужден просить Вас о самых обстоятельных разъяснениях по поводу дела, которое Вы мне предложили. Я человек весьма правдивый и не стану сулить Вам золотые горы. Копенгаген отнюдь не походит на Париж, где всякий человек с головой может с места в карьер предложить любому другому дело, которое тут же и обсуждается. Здесь, где почти все друг друга знают, бесполезно предлагать даже золотые слитки, если Вас сперва не представили как человека добропорядочного и т. д.

К счастью, у меня здесь такие связи, что вскоре я смогу появиться, где угодно, — мне нужно также выучиться языку, которым я прилежно занимаюсь. Все эти неудобства будут продолжаться некоторое время, но вскоре прекратятся, в особенности когда я покончу с денежным вопросом, который меня в настоящий момент буквально убивает и который я не смогу решить, пока не найду помощи и протекции. Это дело трудное: когда находишься за границей, являешься отцом семейства,

приходится соблюдать некую видимость перед лицом света и т. д. Высказав Вам все это, я перехожу к тому, какие мне нужны от Вас объяснения.

1. Для того, чтобы являться представителем какой-то фирмы, особенно в Дании, необходимо, чтобы существовала фирма: являетесь ли Вы фабрикантом? Могу ли я, раздобыв клиентуру, быть уверенным в регулярных поставках без повышения цен?

2. Действителен ли Ваш патент для всех европейских стран?

Давно уже производятся лаки, предохраняющие металлы от окисления, чтобы металлическим предметам не угрожало разрушение — именно так обстоит с корпусами морских судов. Ваш лак — наилучший, говорите Вы, я готов это признать, впрочем, в делах стараешься убедить других в том, в чем иногда сам не имеешь уверенности. Ладно — оставим это.

Что касается сетей для лова трески, то, будучи сам моряком, должен Вам сказать, что проблема давно уже разрешена в том смысле, что их предохраняют от порчи, пропитывая дубильным веществом, и что сети никогда не портятся просто от длительного употребления, а больше от разрывов, которые чинят по мере того, как они появляются. Таким образом, сеть в значительной мере обновляется благодаря такой штопке. Ваш лак никогда не предохранит ее от разрывов.

3. Я здесь не лавочку содержу, я являюсь представителем одной или даже нескольких фирм. Если я на этом настаиваю, то потому, что в этой стране, где люди крайне любопытны, нельзя рассчитывать на обман, и указывать неверно происхождение товара — означало бы идти неправильным путем. Если я предложу, как я и намереваюсь, Ваш лак какому-нибудь крупному поставщику морского флота, он не преминет собрать в Париже подробнейшие сведения о фирме-поставщике (даже если счет будет на мое имя).

4. У меня нет капиталов, у меня будут только товары Вашего производства (правда, в небольшом количестве), но я смогу

работать только, если буду иметь небольшой запас их в та-
можне, и по мере того, как товар будет продаваться, я буду пе-
реводить причитающиеся Вам суммы. Для всего этого необхо-
димо большое доверие ко мне, может быть у Вас его нет, но я
исхожу из того, что оно имеется. В таком случае Вам временно
придется раскошелиться, это потребует значительных денеж-
ных средств.

Пишу Вам все это наспех и очень кратко, но Вы легко пой-
мете все мои замечания, являющиеся одновременно вопроса-
ми. Ответьте на них, пожалуйста, и не сердитесь на меня за то,
что я на всем этом настаиваю. С некоторых пор я на горьком
опыте убедился, что следует быть недоверчивым, однако я не в
состоянии долго быть таким, и, к сожалению, моя натура берет
верх. Как коммерсант я всегда буду иметь этот изъян, вслед-
ствие чего, несмотря на свой ум, я деловой человек десятого
разряда. Все эти свои соображения я излагаю Вам не от недо-
верия, но для того, чтобы точно знать, с чем имею дело.

В случае, если мы с Вами придем к соглашению, я напишу
своему зятю, норвежцу, весьма оборотистому парню, который
занимается нашим брезентом в половинной доле со мной. Он
лучше кого-либо другого сможет навязать норвежцам Ваш лак.
С этим народом, весьма отличным от датчан, можно гораздо
легче делать дела. Они внимательно следят за всеми новыми
изобретениями и всегда готовы идти вперед. Не говорите мне
о народах с консервативным общественным строем: республи-
ка, может быть, и плохой образ правления, но до какой степе-
ни она развивает в молодежи дух инициативы!

*Дружески жму Вашу руку.
Поль Гоген*

Я ничего не могу продавать, не имея твердого патента, ко-
торый требуется от французов и стоит 340 франков!!! К стыду
своему должен признаться, что их у меня нет.

2. ЭМИЛЮ ШУФФЕНЕКЕРУ

[Копенгаген]

14 января 1885 г.

Я получил письмо от Гийомена. Оказывается, Вы хотели купить одну из его картин на выставке, но она уже была продана. Почему бы Вам не пойти к нему и не выбрать какую-нибудь другую? Мне кажется. Вам имело бы смысл иметь у себя образчик его творчества, и к тому же я был бы рад, если бы этому бедному и очень талантливому художнику удалось продать еще что-нибудь.

Что касается меня лично, то порою мне кажется, что я сошел с ума, и однако, чем больше я размышляю вечером, лежа в постели, тем больше убеждаюсь, что я прав. Уже давно философы рассуждают о явлениях, представляющихся нам сверхъестественными, но которые, однако, мы ощущаем. Все как раз тут, в этом слове. Рафаэль и другие — это люди, у которых ощущение находило форму выражения гораздо раньше, чем мысль, что позволяло им, и учась, никогда не разрушать это ощущение и оставаться художниками. А для меня великий художник — олицетворение величайшего интеллекта, ему свойственны чувства, являющиеся выражением наиболее тонкой, наиболее незримой деятельности мозга.

Всмотритесь в безграничное творчество природы, и Вы увидите, имеются ли законы, с помощью которых можно воссоздавать все человеческие чувства в совершенно различных, но однако же сходных по своему воздействию аспектах. Вот, например, большой паук или какой-нибудь ствол дерева в лесной чаще, — и то и другое непонятным образом вызывает в Вас ощущение ужаса. Почему Вы испытываете отвращение от прикосновения к крысе и тому подобное; рассудок не может истолковать подобных ощущений. Наши пять чувств воздействуют

непосредственно на мозг под впечатлением бесконечного количества вещей, и никакое воспитание не может уничтожить этого. Отсюда я делаю вывод, что имеются линии благородные, лживые и т. д.; прямая линия дает ощущение бесконечности, кривая ограничивает творческий порыв, не говоря уже о роковых сочетаниях чисел. Сколько говорено было о числах 3 и 7? Цвета в этом отношении еще нагляднее из-за своего исключительно мощного воздействия на наш глаз, хотя они и не так многочисленны, как линии. Есть тона благородные, есть обыденные, есть сочетания спокойные, утешительные, а есть такие, что возбуждают своей дерзостью. Графология, например, говорит нам о таких человеческих чертах, как искренность или лживость. Почему же линии и цвета не могут свидетельствовать о более или менее величавом характере живописца? Возьмите Сезанна, непонятого, с глубоко мистической натурой Востока (он и лицом похож на древнего левантийца), в форме он больше всего любит передавать ее тайну, ему нравится тяжелое спокойствие человека, который лег, чтобы предаться созерцанию, в его красках есть задумчивая важность, свойственная характеру восточного человека. Житель юга, он целые дни проводит на горных вершинах, читая Вергилия и созерцая небо. Поэтому на картинах его — высокие горизонты, синие тона очень насыщены, а красный — поразительной звучности.

Это Вергилий, который многозначен и которого можно понимать по-разному, и словесное объяснение его картин имеет иносказательный смысл, двойной. Изображенное им столь же выдуманно, сколь и реально. Одним словом, при виде любой его картины восклицаешь: «Странно!» Но он мистик, и рисунок его такой же.

Чем дальше, тем больше убеждаюсь я в этом значении передачи мысли, но совсем не ради какой-нибудь литературщины, — посмотрим, кто окажется прав. Если я ошибаюсь, то почему ваша Академия, которой известны все средства, приме-

нявшиеся старыми мастерами, не создает картин, достойных Мастера? Потому что нельзя сочинить свою натуру, ум и сердце, потому что юный Рафаэль интуитивно ощущал это, и в его картинах есть такая гармония линий, в которой даже не отдаешь себе отчета, ибо именно наиболее интимное в человеке оказывается совсем скрытым. Посмотрите даже на второстепенные детали, на пейзаж какой-нибудь картины Рафаэля, и вы обнаружите то же чувство, что и в изображении головы. Чистота во всем. А пейзаж Каролуса-Дюрана — там тот же бордель, что в его портретах. (Не могу этого объяснить, у меня просто такое чувство).

Здесь меня более чем когда-либо мучают вопросы искусства, и ни мои денежные заботы, ни поиски заработка не могут меня от них отвлечь. Вы пишете, что мне следовало бы вступить в ваше Общество независимых. Хотите, я скажу Вам, что получится? Сейчас вас человек сто, завтра будет двести. Художники-коммерсанты составляют две трети общества и станут заниматься интригами. Еще немного, и тон станут задавать Жерве и прочие, а что будем делать мы — мечтатели, непонятые? В этом году у вас была благоприятная пресса, в будущем — смутьяны (повсюду есть Раффаэлли) взбаламутят всю грязь, чтобы облить вас, а самим выйти чистенькими.

Работайте свободно и бездумно; Вы будете совершенствоваться, и рано или поздно Ваше дарование будет признано, если оно у Вас есть. А главное, не потейте над картиной, большое чувство может быть передано сразу, раздумывайте о нем и ищите для него самую простую форму.

Равнобедренный треугольник — это самая устойчивая, самая совершенная форма треугольника. Вытянутый в высоту треугольник изящнее. В действительности сторон не существует, но в нашем ощущении линии справа устремлены вперед, линии слева — отступают назад. Правая рука наносит удар, левая — отражает его. Длинная шея изящна, но головы, втянутые

в плечи, несут печать мысли. Утка, которая, подняв глаза, прислушивается — ну ладно, я тут развожу всякую идиотскую чепуху; Ваш приятель Куртуа более здравомыслящий, но живопись его так глупа. Почему ивы со свисающими вниз ветвями называются плакучими? Не потому ли, что опускающиеся линии печальны? А сикомора грустна оттого, что ее сажают на кладбищах? — Нет, грустен ее цвет.

В смысле дел я в том же положении, что и вначале, если что-нибудь выйдет, то лишь через полгода — год. А пока я без гроша, забот выше головы, почему я и утешаюсь, мечтая.

Мало-помалу мы с женой выйдем из положения, давая уроки французского языка. Вы будете смеяться — я и уроки французского языка?

Желаю Вам большей удачи, чем у нас.

3. ЭМИЛЮ ШУФФЕНЕКЕРУ

51, Норрегаде. Копенгаген.

24 мая 1885 г.

Вы пишете моей жене, а отвечаю Вам опять я. Что можно сообщить Вам такого, что Вас бы успокоило? Не очень-то много, но во всяком случае будьте спокойны — никто не считает Вас эгоистом, все знают, до какой степени Вы перегружены. Ничего со всем этим не поделаешь!

Ваша идея обратиться к Дюран-Рюэлю вызывает у меня улыбку, этот человек ведь еле держится на поверхности, и если он хоть что-то делает для Писсарро и других, то не из дружеских чувств, а потому что их картин у него чуть ли не на миллион и он боится, чтобы художники-импрессионисты не сбили цены, продавая свои вещи за любую сумму. Вы сами понимаете, что этому проклятому иезуиту на меня в моем несчастье плевать с высокой горы.